

СОДЕРЖАНИЕ

PRAELIMINARIA

<i>И. М. Савельева, П. В. Соколов</i> Отцы кентавров и Клио in partibus infidelium	7
<i>А. М. Руткевич</i> Наследие историзма	37

Раздел I.

(ПРА)ИСТОРИЯ МЕЖДУ МЕТАФИЗИКОЙ И МИФОЛОГИЕЙ

<i>Ю. В. Иванова, П. В. Соколов</i> «Мидасово злато Модерна»: антиномии исторического сознания раннего Нового времени	79
<i>Ф. Ломонако</i> История, поэзия и миф у Джамбаттисты Вико: «Щит Ахилла» (пер. с итал. Ю. В. Ивановой и П. В. Соколова)	106
<i>П. В. Резвых</i> Спекулятивная конструкция и историческое свидетельство в немецкой мифологии конца XVIII — начала XIX в.	143

Раздел II

ИСТОРИЯ В САМОСОЗНАНИИ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>А. Н. Дмитриев</i> Русский «страх влияния»? (Формальная школа между исторической поэтикой и компаративизмом)	217
<i>Г. Тиханов</i> Семантическая палеонтология в контексте истории советского литературоведения: 1930–1950-е гг. (пер. с англ. К. А. Левинсона)	243
<i>И. Л. Попова</i> Книга Э. Р. Курциуса «Европейская литература и латинское Средне- вековье» и ее значение для исторической поэтики	275

Раздел III

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЫТЭСНЕННОГО:
ИСТОРИЯ В АИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИНАХ*С. В. Третьяков*Использование исторической аргументации в цивилистической
догматике 311*И. М. Савельева*

Попытка историзации исторической социологии 336

*О. И. Кирчик*Экономика конвенций: как и для чего следует вернуть историю
в экономический анализ 365

Раздел IV

РАСШИРЯЯ ПРОСТРАНСТВО БОРЬБЫ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ АРГУМЕНТ И ДЕСТРУКЦИЯ КЛАССИКИ*И. И. Бендерский*«Война и мир» между историей и романом (к вопросу о полемике
Л. Н. Толстого с историками) 387*Р. И. Капелюшников*Гипноз Вебера: заметки о «Протестантской этике
и духе капитализма» 439*Список авторов* 531

И. М. Савельева, П. В. Соколов

ОТЦЫ КЕНТАВРОВ И КЛИО IN PARTIBUS INFIDELIUM

Просвещенный читатель, без сомнения, сразу же угадает в заголовке нашего введения отсылку к хрестоматийно известному высказыванию Фридриха Ницше из его письма к Эрвину Роде 1870 г.: «Наука, искусство и философия столь тесно переплелись во мне, что мне в любом случае придется однажды родить кентавра»¹. Этого кентавра, при рождении нареченного «Рождением трагедии из духа музыки», а впоследствии, в пароксизме самокритики, переименованного в «Эллинство и пессимизм», ждал прием, уготованный целому ряду памятников гуманитарной мысли, история рецепции которых в ученом сообществе являет собою, по знаменитому выражению М. М. Бахтина, «стенограмму незавершенного и незавершимого спора»². С самого момента появления на свет над ними тяготеет обвинение в преступлении перед фактической истиной, в непростительной *μετάβασις εἰς ἄλλο γένος* — философской интервенции в поле предметных наук. Таковы, если привести здесь только самые известные примеры, «Новая наука об общей природе наций» Джамбаттисты Вико, «Протестантская этика и дух капитализма» Макса Вебера, «Творчество Франсуа Рабле и народ-

¹ *Nietzsche F.* Briefwechsel, II, I. An Erwin Rohde (Basel, Ende Januar und 15. Februar 1870). <http://www.thenietzschechannel.com/correspondence/ger/nlett1870g.htm>.

² *Бахтин М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // *Его же.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 307–308.

ная культура средневековья и Ренессанса» М. М. Бахтина. Статус всех этих текстов, принадлежащих совершенно разным временам и авторам, амбивалентен: с одной стороны, их положение в каноне гуманитарных и социальных наук неоспоримо, с другой — они регулярно подвергаются попыткам фальсификации, в попперовском смысле этого термина, со стороны тех «позитивных», «специальных» наук, на территорию которых они заступают и материалом которых пользуются — истории, филологии, социологии, экономики, демографии и других. Уже «Новая наука» Джамбаттисты Вико у первого своего, пусть анонимного и, скорее всего, имевшего к неаполитанцу личные счёты рецензента создала впечатление «вымысла» (*figmentum*), обязанного своим возникновением скорее остроумию (*ingenium*) автора, чем его верностью истине (*veritas*)³. Полемики вокруг этих текстов подобны Гераклитову огню, временами возгорающемуся и временами угасающему, но все же вечному: так, первые критические отзывы на «Протестантскую этику» М. Вебера, принадлежавшие перу К. Фишера и Ф. Рахфалья, вышли в свет, соответственно, в 1907 и 1909 гг.,⁴ и, хотя сам рецензируемый автор надеялся закрыть полемику своим «антикритическим заключительным словом» еще в 1910 г.⁵,

³ «Prodiit et ibidem nuper liber sub tit. *Principi d'una nuova Scienza*, 8. Cujus libri Autor quamvis nomen suum eruditos celet, certiores tamen facti sumus per amicum qaendam Italum, esse eundem Abbatem Neapolitanum, cui nomen *Vici* est. Agitavit Autor in isto libello novum Juris Naturae Systema aut figmentum potius, ex aliis longe, quam hactenus sueverunt Philosophi, principiis deductum, magisque ad ingenium Pontificae ecclesiae accommodatum. Multo labore contra Grotii et Pufendorffii doctrinas et principia disputat, ingenio tamen hic magis indulget quam veritati, longaque conjecturarum mole tandem sibi ipsi deficiens ab ipsis Italis taedio magis quam applausu excipitur» (*Nova litteraria // Acta eruditorum. Anno MDCCXXVII publicata. Lipsiae: J. F. Gleditsch, 1727. P. 383*).

⁴ *Fischer H.K. Kritische Beiträge zu Prof. Max Webers Abhandlung «Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus» // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1907. Bd. 25. S. 232–242; Raehfahl F. Calvinismus und Kapitalismus // Internationale Wochenschrift für Wissenschaft, Kunst und Kritik. 1909. Bd. III. Spalte 1217–1238, 1249–1268, 1287–1300, 1347–1366.*

⁵ *Weber M. Antikritisches Schlusswort zum «Geist des Kapitalismus» // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1910. Bd. XXXI. S. 283–344.*

она, как читатель может убедиться из нашей книги, продолжается до наших дней и, дерзнем предположить, продлится usque ad ultimum iudicium — до Страшного суда⁶. Неистовая полемика, спровоцированная появлением «Рождения трагедии» в цеху классических филологов, «Nietzsche-Wilamowitz Kontroverse», слишком хорошо известна, чтобы специально напоминать о ней читателю⁷. То же относится и к книге М. М. Бахтина о Рабле: первая же рецензия на нее

⁶ Публикуемый нами текст Р.И. Капелюшников был впервые издан в виде статьи из двух частей: *Капелюшников Р.И.* Гипноз Вебера. Заметки о «Протестантской этике и духе капитализма». Часть I // Экономическая социология. 2018. Т. 19. № 3. С. 25–49; *Его же.* Гипноз Вебера. Заметки о «Протестантской этике и духе капитализма». Часть II // Экономическая социология. 2018. Т. 19. № 4. С. 12–42. Критический анализ «Тезиса Вебера», предложенный в этих статьях, вызвал «антикритический» ответ И. В. Забаева: *Забаев И. В.* Ницшеанский взгляд на стодолларовую купюру: чтение веберовской «Протестантской этики» в связи с замечаниями современного экономиста // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 1. С. 20–71. За этим ответом воспоследовала апология Р.И. Капелюшников: *Капелюшников Р.И.* Ответ современному не-экономисту (комментарий на комментарий). Препринт WP3/2019/02. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. От кого из участников полемики следует ожидать «Antikritisches Schlusswort», пока неизвестно. Из новейших западных работ, в которых анализируется «случай Вебера», см.: *Steinert M.* Max Webers unwiderlegbare Fehlkonstruktionen: Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. Fr.; N. Y.: Campus Verlag, 2010. Разумеется, книга Штайнерта, автор которой выводит «Тезис Вебера» из идеологической ситуации Германии начала XX в. (труд Вебера — «боевое оружие “культурпротестантизма”, замаскированное под научное исследование») и провозглашает его «хотя и симпатичным, но исторически ложным» («zwar hübsch, aber historisch falsch»), не замедлила вызвать критический ответ под отсылающим к Никласу Луману заглавием «Was steckt dahinter?» [«Что за этим кроется?»] (*нем.*). — *Примеч. ред.*], автором которого стал Иоганнес Вайсс (*Weiss J.* Was steckt dahinter? // Archives européennes de sociologie. 2011. Vol. 52. S. 580–587). Нельзя не отметить почти полную симметрию и синхронность двух полемик в России и Германии.

⁷ См. образцовое издание текстов, имеющих отношение к полемике 1872–1874 гг.: *Ницше Фр.* Рождение трагедии / Пер. с нем. А.В. Михайлова / А.А. Россиус (сост., ред., сверка переводов, вступ. ст., коммент.). М.: Ad Marginem, 2001. С. 217–410. См. также недавнюю коллективную монографию, посвященную этой полемике: «An Winkelmann anzuknüpfen?» *Winkelmanns Antike, Nietzsches Klassizismuskritik und ihre Blicke in die Zukunft* (Nietzscheforschung, Bd. 24) / R. Reschke (hrsg.). B.; Boston: De Gruyter, 2017.

со стороны профессионального историка-ренессансиста, Фрэнсис Йейтс, завершалась пожеланием автору, которого английская исследовательница причислила к русской формальной школе, «лучше оставаться последовательно анти-историческим приверженцем абстрактной науки о знаках», чем вторгаться в область исторических штудий о Рабле, коих он себе совершенно не представляет⁸. Гневная инвектива М. Л. Гаспарова в адрес эгоцентрического «сочинителя небывалой литературы», философа в овечьей шкуре, основана на той же идее: М. М. Бахтин трактует «теоретический конструкт как исторический факт», смешивает, en bon philosophe, друг с другом сущее и должное и позволяет себе изъясняться «вызывающе неточным» языком⁹. Попытку очерпывающего доказательства того, что «Тезис Вебера» обязан своим возникновением и неувядающей популярностью «экстраординарному социологическому воображению» его творца и представляет собой («к сожалению») «научный миф», читатель может найти на страницах нашей книги¹⁰.

Положение историко-фактического материала («истин факта») в названных текстах существенно иное, чем в «позитивистской» историографии, у «historiens de M. Thiers»¹¹, однако оно и не таково же, как у творцов «философии исто-

⁸ «It would be easier to understand this book if the author were totally anti-historical, bent solely on the “science of signs” in the abstract. But he believes in the historical approach, thinks he is making one himself, and approves Lucien Fiebvre for his “fully justified” method of reconstructing Rabelais’s intellectual milieu. He thinks that his own historical interpretation of Rabelais, combined with his scientific analysis of the images, has at last produced the right answers to the Rabelais problem» (*Yates Fr. A. Selected Works. Vol. X: Ideas and Ideals in the North European Renaissance. L.; N. Y.: Routledge, 1999. P. 162*).

⁹ *Гаспаров М. Л. История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина* (Доклад на международной научной конференции «Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения». 10–11 ноября 2004. Москва, МГУ). <http://vestnik.rsuh.ru/article.html?id=54924>.

¹⁰ *Капелюшников Р. И. Гипноз Вебера. Заметки о «Протестантской этике и духе капитализма»*. С. 439–530 наст. изд.

¹¹ «Историки в духе Тьера» — неодобрительное определение, данное Фридрихом Ницше историкам, которых заботит только описание фактов (см.: *Ницше Фр. Несвоевременные размышления II. О пользе и вреде истории для жизни* / Пер. Л. Бермана, А. и Е. Герцык // *Его же. Полное собрание*

рии». В чем причина этой «утопичности»? Виной ли тому взаимная непереводаемость, «неконвертируемость» дисциплинарных языков или, быть может, некое особое качество этих текстов, одновременно провоцирующее и делающее невозможной их окончательную фальсификацию? Дисциплинарная аффилиация всех этих текстов различна: если Вико возводит грандиозное здание своей «Новой науки» на фундаменте «филологии в широком смысле», то есть, по Э. Ауэрбаху, синтеза филологии, истории и права, М. М. Бахтин — на фундаменте литературоведения, то автор «Протестантской этики» реконструирует «индивидуальный тип» рационального капитализма на эмпирическом базисе экономической социологии и истории богословия. Или, быть может, дело в особой «нечувствительности», ἀνασθησία, как называл это Эрвин Роде, специфическом ремесленно-этическом дефекте специальных наук, не позволяющих им увидеть то, что выходит за рамки их дисциплинарной оптики? Характерна особая «ироническая» позиция названных авторов по отношению к «эксплуатируемым» ими дисциплинам: с уверенностью, которая дает основание их критикам для обвинений в гибризме, они притязают на то, чтобы понимать сущность «экспроприруемых» ими наук лучше, чем цеховые ученые — верные стражи их границ и хранители алтарей¹². Полемика социологов или экономистов с Вебером, филологов — с Ницше или Бахтиным существенно отличается от «внутрицеховой» полемики прежде всего тем, что в этих спорах под вопрос ставится как теоретическое, так и

сочинений: В 13 т. Т. 1. Ч. 2. М.: Культурная революция, 2014. С. 133). — *Примеч. ред.*

¹² «Совокупное научно-художественное движение этого странного кентавра с чрезвычайной силой, но вместе с тем с циклопической медленностью преследует одну цель: навести мост через пропасть, отделяющую идеальную древность — может быть, прекраснейший цветок германской страсти к югу — от реальной; и этим классическая филология стремится только к осуществлению ее собственной сущности, к полному слиянию и объединению вначале враждебных и лишь насильно соединенных основных своих побуждений» (*Ницше Фр.* Гомер и классическая филология / Пер. с нем. О. Химона // *Его же.* Полное собрание сочинений... С. 153).

жизненно-практическое оправдание самой дисциплины, ее отношение как к «миру науки», так и к «миру жизни»¹³. Именно поэтому такие полемики всегда происходят в лимитальной зоне¹⁴, они всегда представляют собой «диалог на пороге», Schwelldialog¹⁵. Поэтому же в них теоретические аргументы всегда смешиваются с практическими. Чтобы ответить, скажем, Ницше, филолог должен «выйти из себя», за границы своего «возможного опыта», чтобы со все возрастающим раздражением чувствовать, как доселе верно служивший ему «стальной» меч критического метода превращается в «свинцовое оружие» риторики¹⁶. С подкупающей искренностью и отличавшей его страстностью это ощущение выразил Виламовиц в ответе Эрвину Роде:

Мерзко. Да и любой спор, спор о мнениях, пусть бы даже и о самых принципиальных, — не остается ли он лишь на поверхности, не затрагивая самых важных различий между филологами будущего и мною? И разве в бой с ними я вступил для того, чтобы исправить ложное разумение, грубые заблуждения и покарать их за филоло-

¹³ Тадамер Г.-Г. К русским читателям (1990) // *Его же*. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 7.

¹⁴ См. очень точное замечание одного исследователя о ницшеанских категориях в «Рождении трагедии» как «операторах границ» идентичности культуры: «[Н]а материале аттической трагедии Ницше <...> создает такой образ греков, который, прежде всего, показывает, как последовательно культура может символически делать для себя наглядной непрочность собственных оснований. Регулярно воспроизводимое повторение “дионисийского” опыта отчуждения воспитывало и сохраняло ту интуицию границ собственной идентичности, которая нашла столь впечатляющее выражение в шедеврах греческого искусства» (Müller E. Die Griechen im Denken Nietzsches. В.; N. Y.: De Gruyter, 2005. S. 75).

¹⁵ Да будет нам позволено воспользоваться термином, ставшим известным благодаря М. М. Бахтину: Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // *Его же*. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. С. 126.

¹⁶ Мы позволили себе воспользоваться знаменитыми метафорами, которые Иммануил Кант использовал для описания того, что происходит с теоретическим доказательством в результате выхода за пределы возможного опыта: Кант И. Критика чистого разума // *Его же*. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 3. М., 1994. С. 570.

гические грехи? Разве не *общая тенденция, не созерцание искусства в целом, не метод науки* [курсив наш. — И. С., П. С.] заставили меня обратить против подобных устремлений все что ни есть во мне стойкого и мужественного? Нет, тут зияет пропасть, и ее не перейти. Для меня высшая идея — это закономерное, жизненное и разумное развитие мира, — я с благодарностью взираю на великих людей, что, поднимаясь со ступени на ступень, постепенно выведывали одну тайну развития за другой, полагая на то труд свой; изумленной душой стремлюсь приблизиться я к свету вечной красоты, какую излучает искусство, какую излучает любое художественное явление; в науке, заполняющей все мое существование, я стремлюсь идти по стопам тех, кто даровал мне свободу суждения, когда я по доброй воле предавал себя им, — здесь же, видел я, попорно развитие тысячелетий, здесь начали затушевывать откровения философии и религии, чтобы на опустевшем месте строил свои кисло-сладкие рожи самый бесцветный пессимизм; здесь статуи богов, какими населила поэзия и искусство наш небосвод, разбивали в куски, чтобы поклоняться во прахе их кумиру своему Рихарду Вагнеру; здесь все построенное тысячекратным тщанием, гениальным озарением сносили и разоряли, чтобы хмельной мечтатель мог бросать озадачивающе-глубокий взгляд в дионисийские бездны, — я не выдержал этого, ибо — но пусть говорит за меня лучший — «такие выпады действуют на наш ум подобно нелепостям, на наше чувство — подобно кощунствам»¹⁷.

Названные нами труды — провокация¹⁸ в отношении не только тех дисциплин, в эмпирическом материале которых их авторы «обналичивают» свои открытия (прочтение архаических мифов как резервуара социально-политических представлений древних обществ, происхождение греческой трагедии из музыки, связь между кальвинистской этикой и «духом» капитализма), но дисциплинарного партикуляризма или, по слову Э. Ауэрбаха, «спецификаторства» как тако-

¹⁷ Вилламовиц-Мелендорф У. фон. Филология будущего! Выпуск второй // *Ницше Фр.* Рождение трагедии... С. 383.

¹⁸ Ср.: Яусс Х. Р. История литературы как провокация литературоведения / Пер. с нем. и предисл. Н. Зоркой // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–84.

вого. Научная деятельность предстает в этих полемиках как «ответственное поступание». Легко увидеть, как далек этот живой пафос «борьбы за признание» (или даже за выживание), священной войны *pro aris et focus* — во имя алтарей и очагов — от легкомысленной риторики междисциплинарности, мыслящей отношение между предметными науками по «капиталистической» модели максимизации прибыли благодаря использованию возможностей обмена. Вдохновенное *écrasez l'infâme*¹⁹, обращенное Вилаговицем к Ницше, не было повторено в адрес Вебера или Бахтина их критиками лишь вследствие изменения канонов риторики в научных спорах. Названные авторы и сами нередко описывают смысл своей реформы как создание некоей более подлинной формы самой предметной науки, «склеротизация» которой привела ее к отступничеству от самой себя: так, Вико именовал свою «новую науку» филологией и историей, а Эрвин Роде признавал «артистическую метафизику» своего друга «истинным вдохновенным антиковедением»²⁰.

Названные авторы обладают в отношении предметных дисциплин странным даром дивинации: вплетая в аргументативную ткань своих рассуждений множество ошибок и неточностей, эти «Пенелопы философии»²¹ совершают в провоцируемых ими науках такое «обращение взгляда», которое открывает в них радикально новые эвристические возможности. Вилаговиц, опираясь на только одному ему посильную *ingens moles*²² античных литературных свидетельств, сокрушил и высмеял идею Ницше о том, что олимпийской религии предшествовал культ титанов и темных хтонических божеств, но прошло несколько десятилетий, и

¹⁹ Восклицание Вольтера, которое часто переводится как «Раздавите гадину!», выражало отношение мыслителя к официальной религии. — *Примеч. ред.*

²⁰ Роде Э. Лжефилология // *Ницше Фр. Рождение трагедии...* С. 301.

²¹ Эта знаменитая метафора принадлежит Антонио Дженовези, возглавлявшему первую в Европе кафедру коммерции: *Genovesi A. Discorso sopra il vero fine delle lettere e delle scienze // Id. Diceosina, ossia della filosofia del giusto e dell'onesto. Vol. III. Venezia: Isidoro Borghi, 1818. P. 86.*

²² Неподъемная масса (*лат.*). — *Примеч. ред.*

Карл Кереньи нашел у минойцев то, что его великий предшественник искал у греков²³, а Эрик Доддс, притом без всякой референции к Ницше, средствами скрупулезного филологического анализа развеял (пусть и далеко не в первый раз) столь дорогую сердцу Виламовица иллюзию лессинговско-винкельмановской прекрасной и рациональной Эллады и даже сумел показать истинность того, над чем Виламовиц так потешался — что греки видели сны иначе, чем мы, люди Нового времени²⁴. Уже в наши дни Н. В. Брагинская нашла и реальное воплощение «платонической идеи жанра», знаменитой бахтинской мениппеи, историческое существование которой так решительно отрицал некогда М. Л. Гаспаров, — причем ею оказался, по мнению исследовательницы, текст, переведенный самим же Гаспаровым, — греческий роман «Жизнеописание Эзопа»²⁵.

Ницше говорил о присущем ему особом «озадачивающесвоеобразном взгляде на эллинство», позволявшем ему в хрестоматийном и привычном — в «добродушном старце» Гомере, у знакомой каждому немецкому гимназисту триады греческих трагиков — найти потаенные глубины, открывающие перед посвященным в философские мистерии эпоптом²⁶ природу «аполлонической кажимости» и «дионисийского опьянения». Настоящая область интервенции этих философствующих филологов — область само собой разумеющегося, они ставят перед собой цель обнаружить те «априорные кон-

²³ «То, что Ницше говорил о греках, представляется особенно оправданным в отношении культуры минойского Крита: она остается совершенно непонятной, пока не постигнут ее дионисийский характер» (*Кереньи К. Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни* / Пер. с нем. А. В. Фролова и Л. Ф. Поповой. М.: Ладомир, 2007. С. 16).

²⁴ См. главу «Система сновидений и система культуры» в кн.: *Доддс Э. Р. Греки и иррациональное* / Пер. с англ. М. Л. Хорькова. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 109–139.

²⁵ См. тезисы к ее лекции под названием «Жизнь Эзопа: единственная мениппея?» на сайте: <https://iocs.hse.ru/news/257161865.html>.

²⁶ Эпопт (*греч.* ἐπόπτης) — в греческих мистериях лицо, прошедшее все ступени посвящения в таинства, вплоть до самой высокой, и допускавшееся к созерцанию драматических действий, представлявших те события из жизни богов, с которыми было связано учреждение мистерий. — *Примеч. ред.*

струкции», «тайные суждения здравого смысла», которые для самих цеховых ученых остаются слепым пятном. При этом деструкции подвергаются сами представления специальных наук об объективности, достоверности и факте. Предоставим теперь слово для ответной речи оппоненту Вилаговица, Эрвину Роде:

[О]бъективность, заявляющая, что, исследуя самую сокровенную суть античного искусства, полагается на одни только «свидетельства», — она по сути иллюзорна, и не более того. Лежащему в развалинах чудному миру древности мы предстоим точно так же, как и всей совокупной природе, — и тут, и там перед нами несвязная бесконечность отдельных предметов, побуждение искать для них некое единство исходит из самых глубин нашей натуры, а его мы в свою очередь можем обретать лишь в том единстве созерцающего познания, какое возникает внутри нас самих. К разрозненным обломкам античной традиции можно применить замечательные слова Монтеня: «Il est impossible de renger les pièces, à qui n'a une forme du total en sa teste»²⁷. Мы всей душой хотели бы приблизиться к величайшей культуре древней Эллады, а отсюда — многочисленные попытки постигать ее на основе самых различных, какие только могут быть, воззрений на мир²⁸.

Из этих слов Роде хорошо видно, что «пробуждение от догматического сна», провоцируемое в специальных дисциплинах названными авторами, всегда опосредуется обращением к конкретной исторической эпохе: для Ницше это греческая классика, для Фрейденаберг — греческая же долитературная архаика, для Вико — «поэтическая эпоха богов и героев», для Бахтина и Вебера — раннее Новое время (понимаемое в первом случае культурно-исторически как Ренессанс, а во-втором, историко-экономически, как время воз-

²⁷ «Тот, кто не имеет представления о целом, не может распределить и частей» (*Montaigne, Les Essais*, II, 1; рус. пер. приведен по изданию: *Монтень М. Опыты: В 2 т. / Пер. с фр. А. С. Бобовича и др. М.: Голос, 1992. <http://psylib.org.ua/books/monte01/index.htm>, кн. II, гл. 1). — *Примеч. ред.**

²⁸ *Роде Э. Указ. соч. С. 299.*

никновения современного промышленного капитализма). Для каждого из этих авторов речь идет об эпохе, обладающей двумя антитетическими свойствами: с одной стороны, она должна быть своего рода «инобытием» современности, с другой — быть трансцендентной, радикально иной по отношению к ней. Парадоксальным образом, именно для того, чтобы обрести понимание смысла собственной эпохи, необходимо совершить «полный исход из настоящего порядка этой жизни»²⁹, причем совершить его на почве истории. Предельным случаем такого исхода является попытка историческими средствами заглянуть за изнанку истории: первые опыты такого рода относятся к рубежу Нового времени³⁰. Ввести фигуру «начала истории» означает проблематизировать границу между природой и историей, этикой и физикой, мысленным экспериментом и исторической реконструкцией, философией и филологией, естественным и позитивным правом, гипотезой и аподиктическим доказательством, естественным и гражданским Провидением: ведь такое начало есть, говоря в общем, исток и условие возможности всякой дифференциации вообще. Именно в роли истории для проблематизации «абсолютного начала» можно видеть ключевое различие между способами мыслить то, что находится по ту сторону «настоящего порядка этой жизни», предложенными в этот период Томасом Гоббсом и Джамбаттистой Вико: попытка интегрировать в «человечную метафизику» историю (филологию) делает Вико родоначальником тех философско-исторических синтезов, о которых мы здесь говорим. Исключение исторического измерения у Гоббса и реабилитация его у Вико обнаруживает фундаментальное различие в теоретическом стиле этих авторов. По словам чикагской исследовательницы Нэнси Стрювер, Гоббс «работает широкими мазками»; он стремится, «элими-

²⁹ Эту цитату из Н. А. Добролюбова Бахтин приводит несколько раз в своей книге о Рабле: *Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса // Его же. Собрание сочинений. Т. 4 (2). М.: Языки славянских культур, 2010. С. 294–295.*

³⁰ См. статью Ю. В. Ивановой и П. В. Соколова: с. 79–105 наст. изд.

нировав хаос и противоречивость исторических и правовых практик», «редуцировать значение исторической информации для теоретизирования»³¹. Его перспектива — «макросоциологическая» (macro-solution of macro-problems); у Вико же, напротив — историческая: именно этот выбранный им способ рассуждения об универсуме человеческих действий раскрывает необозримое поле политических возможностей, примеров институциональных трансформаций, сценариев действия³².

Антитезу собственной эпохе «явленного разума» Вико находит в «поэтической эпохе» богов и героев — периода в истории человечества одновременно глубоко забытого, оттого что едва проницаемого для рационального сознания (Вико использует Варроново слово *adelon*), но вместе с тем — скрыто присутствующего в современности и остро необходимого ей для преодоления «тщеславия ученых» (эпи-

³¹ «В то время как Гоббс отказывается иметь дело с богатством “слишком человеческих” деталей историко-политических практик, Вико открывает в этом богатстве внутренние ресурсы, позволяющие постичь истоки гражданского устройства — хотя бы и в режиме иронии. В то время как Гоббс, как кажется, стремится элиминировать хаос и противоречия исторических и правовых практик человеческого сообщества и тем самым редуцировать удельный вес исторической информации в теоретическом рассуждении, Вико, напротив, придает этимологиям, которые в изобилии встречаются на страницах его сочинений, центральное значение для разработанного им диагностического искусства, ибо этимологии для него — это сохранившиеся в памяти языка исторические свидетельства социальных и правовых институтов, это источник политической мудрости, содержащий в себе тактический опыт сохранения идентичности наций» [While Hobbes refuses to engage with the wealth of all-too-human detail of historical political practices, Vico found this wealth of intrinsic interest as revealing the sources of civility, if often only ironically so. Where Hobbes seems to prefer to elide the confusion and contradictions of historico-legal practices of the community, and thus reduce the amount of historical information for theorizing, in contrast the many Vichian invocations of etymology are central to his diagnosis because the traces of social-legal practices in the language archive are the sources of his political wisdom, in giving an account of the tactics of maintaining national identity] (*Struever N. S. Rhetoric, Modality, Modernity*. Chicago: The University of Chicago Press, 2009. P. 60).

³² Girard P. Giambattista Vico. Rationalité et politique. Une lecture de la *Scienza nuova*. P.: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2008. P. 327–343.

стемологического порока, который заставляет оценивать сознание других эпох с позиций представлений об истине и достоверности, характерных для эпохи «явленного разума») и «тщеславия наций» (убежденности каждого народа в том, что он древнее остальных народов и потому причастен к неким началам древней мудрости в большей степени, чем другие). «Поэтическая» эпоха в истории человечества столь важна для Вико именно потому, что она максимально далеко отстоит от его собственной: настолько далеко, что для проникновения в нее необходимо чрезвычайное усилие, причем такое, в котором может принять участие лишь высшая познавательная способность (*or' appena intender si può, affatto immaginar non si può, come pensassero i Primi Uomini*³³). Дальше от викианской «современности» отстоит только естественное или «звериное» состояние (*ferinitas*) — предельное понятие «Новой науки», полагающее границы рациональному познанию мира наций. Этот своего рода экстазис, кенотическое погружение в «темные и грубые» начала человеческой истории, Вико противопоставляет аисторической декартовой интроспекции: для постижения «первых человеческих идей» философ должен не искать в самом себе «несокрушимый фундамент» достоверности, а «сойти с высот своей облагороженной человеческой природы в дикое и чудовищное» естество Основателей Мира Наций³⁴.

Подобно тому как Вико одновременно «подбирает ключ» к архаической мифологии и разгадывает шифр «вечной идеальной истории», то есть решает метафизическую проблему посредством решения проблемы исторической (в языке

³³ *Vico G. La scienza nuova 1744 / a cura di P. Cristofolini e M. Sanna. R.: Edizioni di Storia e Letteratura, 2013. P. 105.*

³⁴ «[P]er rivenire le guise di tal primo pensiero umano nato nel mondo della gentilità, incontrammo l'aspre difficoltà che ci han costo la ricerca di ben venti anni, e <dovemmo> discendere da queste nostre umane ingetilite nature a quelle affatto fiere ed immani, le quali ci è affatto negato d'immaginare e solamente a gran pena ci <è> permesso d'intendere» (*Vico G. Principj di scienza nuova di Giambattista Vico d'intorno alla comune natura delle nazioni in questa terza impressione dal medesimo autore in gran numero di luoghi corretta, schiarita, e notabilmente accresciuta. Napoli: Felice Mosca, 1744. P. 118–119*).

Вико — филологической), М. М. Бахтин изучает праздник и карнавал как «первичные и неуничтожимые категории человеческой культуры», «праздничное мироощущение» — как неумирающую сторону, константу человеческого мира, не отвлеченно, in abstracto, а в материале конкретной эпохи, рассматривая литературу Ренессанса в свете вечных «народно-праздничных карнавальных форм»³⁵. И это — не случайность, не вынужденная цензурными условиями необходимость использовать исторический метод как своего рода алиби и не попытка «прикрыть ризами филологии отважную наготу философа» (слова Н. В. Брагинской о Ницше)³⁶. Бахтин эксплицитно противопоставляет свой способ работы методу философской антропологии как аисторическому и чуждому социальности, причем характерно, что он разоблачает и у «философских антропологов» не замечаемый ими исторический предрассудок: сами того не ведая, они строят свою концепцию праздника, ориентируясь на «ущербную праздничность буржуазной эпохи»³⁷. Любая философия «инфицирована» историей: как бы она ни пыталась встать на отвлеченно-теоретическую точку зрения, ей невозможно отделаться от историчности как конститутивного измерения «действительного мира». В эпохе Ренессанса Бахтин видит

³⁵ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле... С. 296, 262.

³⁶ Брагинская Н. В. Верность как измена [Рец. на кн.: Фридрих Ницше. Рождение трагедии / Составление, общая редакция, комментарий и вступительная статья А. А. Россиуса. Художник Андрей Бондаренко. М.: Ad Marginem, 2001. 736 с.] // Новое литературное обозрение. 2001. № 50. <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/50/bragin.html>.

³⁷ «Характерно, что в западной философии последних лет, а именно — в философской антропологии, делаются попытки раскрыть особое праздничное мироощущение (праздничную настроенность) человека, особый праздничный аспект мира и использовать его для преодоления пессимистической концепции экзистенциализма. Однако философская антропология с ее феноменологическим методом, чуждым подлинной историчности и социальности, не может разрешить эту задачу; кроме того, она ориентируется на ущербную праздничность буржуазной эпохи». По Бахтину, в XIX столетии восторжествовала «непраздничная концепция мира», хотя «праздничность в условиях буржуазной культуры только сузилась и исказилась, но не умерла» (Бахтин М. М. Указ. соч. С. 297).

активную фазу вечного принципа — и видит смысл ее в победе над «духом готического века, с его односторонней серьезностью», от которого ко временам Рабле остались только «ризы, годные для веселых карнавальных переодеваний». Ренессанс — эпоха переворачивания старой культуры, и это проявляется во всем — от политики и экономики (Бахтин упоминает даже Ивана Грозного) до вторжения народно-площадной речи в язык ученых писателей, таких как Рабле³⁸. Именно в этой точке — не научное, а ценностно-идеологическое расхождение между Бахтиным и его первым западным критиком, Фрэнсис Йейтс. Споря (по определению безответно) с Бахтиным о герменевтике текста Рабле, автор рецензии пишет: «Движущие силы Возрождения — религиозные, философские, научные, художественные — обрели свое мощное и концентрированное выражение в романе Рабле <...>. И все это богатство облеклось в формы народной культуры <...> Однако фарсовые темы Рабле не являются народными по содержанию: чтобы оценить их, необходима ученость и изощренный ум»³⁹. Очевидно, что для Йейтс является формой, стилистической условностью именно то, что для Бахтина является содержанием, эпифанией «первичной и неуничтожимой категории праздника» в «лексическом карнавале» «Гаргантюа и Пантагрюэля»⁴⁰. Для Бахтина нет противоречия в том, что Рабле был одновременно и «ученым», и «народным» писателем. Однако каков критерий, позволяющий понять, что в тексте Рабле относится к плану вечности, а что — к плану времени, что является формой, а что — содержанием?

³⁸ «И в областях мысли и слова искали Америку, хотели открыть антиподов, стремились заглянуть на западную половину земного шара, спрашивали, “что под нами?”. Мысль и слово искали новую реальность за видимым горизонтом господствующего мировоззрения» (Там же. С. 291).

³⁹ Yates Fr. A. Op. cit. P. 391.

⁴⁰ Об этой столь важной для замысла бахтинской книги категории Карла Фосслера см.: Попова И. Л. «Лексический карнавал» Франсуа Рабле: книга М. М. Бахтина и франко-немецкие методологические споры 1910–1920-х годов // Новое литературное обозрение. 2006. № 79. <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/79/po7.html>.